

К 100-летию Великой Русской революции

Никонов В.А.

Октябрь 1917: почему большевики смогли завоевать власть?

Никонов Вячеслав Алексеевич — доктор исторических наук, декан, факультет государственного управления, МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, РФ.
E-mail: Nikonov@spa.msu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные факторы, предопределившие приход к власти большевиков в России в 1917 году. Проанализированы предпосылки и последствия событий Великой Русской революции, отмечен ее разрушительный характер для всех сфер жизни российского общества.

Ключевые слова

Великая Русская революция, 1917 год, Октябрьская революция, Февральская революция, большевики, В.И. Ленин, Временное правительство, Николай II, Первая мировая война, Гражданская война.

Революции 1917 года и громыхавшую до 1921 года Гражданскую войну принято в последнее время объединять в один исторический акт, называемый Великой Русской революцией.

Событие действительно одно. Только в нем не было ничего великого, кроме трагедии страны и ее народа. Это была одна из самых драматических страниц отечественной истории. *«Русская революция оказалась национальным банкротством и мировым позором — таков непререкаемый морально-политический итог пережитых нами с февраля 1917 года событий»*¹, — напишет в 1918 году Петр Бернгардович Струве. *«Революцию я пережил трагически, как гибель того, что было для меня самым дорогим, сладким, радостным в русской жизни, как гибель любви, — описывал свои чувства Сергей Николаевич Булгаков. — Да, для меня революция именно и была катастрофой любви, унесшей из мира ее предмет и опустошившей душу, ограбившей ее»*².

За пять лет «Великой революции» экономика России была отброшена на полстолетия назад. Страна понесла огромные территориальные потери в результате проигранной Мировой войны. Последовавшая Гражданская война унесла 8 миллионов жизней. Погибла или была вынуждена покинуть страну значительная часть ее интеллектуальной, творческой, военной, предпринимательской элиты. «Что такое русская революция? Как осмыслить и понять эту ужасную катастрофу, которая нам,

¹ Струве П.Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Издательство Московского университета, 1990. С. 235.

² Булгаков С.Н. Автобиографические заметки // Великая русская революция глазами интеллектуалов. М.: Научный эксперт, 2015. С. 271.

современникам и жертвам ее, легко кажется чем-то небывалым, доселе невиданным по своей опустошительности и которую и бесстрастный объективный историк должен будет признать одной из величайших исторических катастроф, пережитых человечеством!»³ — писал Сергей Людвигович Франк.

Главная революция 1917 года произошла в феврале. Именно тогда потерпела крушение многовековая российская государственность, существовавшая в форме Российской империи Романовых. Было много празднеств по поводу свержения «проклятого царизма». Пришедшее к власти правительство либеральной мечты сняло все ограничения гражданских прав, гарантировало свободу собраний и создания общественных организаций, отменило смертную казнь, разрешило неограниченное местное самоуправление. «От Радищева через декабристов, Герцена, “Народную волю”, великих русских писателей, безмянные тысячи культурной молодежи, уходившей на каторгу во имя освобождения народа, через 1905 год и Государственную думу — прямая дорога вела к весенним дням 1917 года»⁴, — восторгался Керенский. Однако уже через несколько месяцев этого правительства не станет, у него не окажется защитников, к власти придет ультралевая маргинальная партия, которая установит свою безраздельную диктатуру.

Что же пошло не так? Почему большевики так стремительно и малой кровью смогли завоевать власть?

Конечно, дело не в мифических марксистских объективных предпосылках революций, приводящих производственные отношения в соответствие уровню развития производительных сил. Октябрь 1917 года полностью противоречил марксизму. Ведь, согласно этому учению, пролетарская революция должна была стать конечным итогом индустриализации, а не наоборот, должна была произойти прежде всего в высокоразвитых промышленных странах и только затем — в среднеразвитых, как Россия. Причины в другом.

Февральскую революцию подготовила и осуществила группа элиты — олигархической и интеллигентской, — воспользовавшаяся трудностями войны для установления собственной власти, при этом не понимавшая природы власти и той страны, которой намеревалась управлять. Отцы революции не вполне отдавали себе отчет в возможных последствиях разрушения государства и выпуска на волю раскрепощенной

³ Франк С.Л. Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010. С. 259.

⁴ Керенский А.Ф. Потерянная Россия. М.: Вагриус, 2007. С. 256.

энергии масс, да еще в условиях тяжелейшей войны. В течение нескольких дней февраля-марта 1917 года исчезнет российская государственность, а с ней и великая страна.

Октябрьская революция стала результатом, в первую очередь, нежизнеспособности Временного правительства и его фантастических провалов. «Когда они прежде воображали себя правительством — то за каменной оградой монархии, — справедливо замечал Александр Исаевич Солженицын, — Все протоколы этого правительства, если смерить их с порой, — почти на уровне анекдота»⁵. Ученые, земские деятели, юристы, промышленники, они неплохо разбирались в общеполитических вопросах и парламентской практике, но никто из членов кабинета не обладал ни малейшим опытом административной или государственной работы. Премьер-министр — князь Львов — был бездеятельным, мягким и благодушным популистом, безгранично верившим в добрую душу народа и испытывавшим отвращение к любому централизованному управлению. В заявлении об образовании Временного правительства вслед за перечислением его состава шли «основания» его деятельности, которые почти дословно воспроизводили 8 пунктов, сформулированных Советом рабочих и солдатских депутатов. Слабый либеральный кабинет был связан необходимостью реализовывать социалистическую программу и мог пользоваться властью лишь с молчаливого согласия энергичных советских лидеров, дожидаясь Учредительного Собрания, выборы в которое еще долго даже не будут назначены.

Важный фактор слабости февральской власти — сомнительность ее легитимности. Временное правительство отказалось выводить преемственность своей власти как от императорской, так и от власти Государственной думы, считая ее осколком старого режима. Опытный юрист Сергей Владиславович Завадский справедливо замечал, что сразу после того, как «помимо какого-либо официального акта упразднили Думу как учреждение», «Временный комитет Думы, а потом Временное правительство оказались висящими над пропастью, держась, подобно путнику в стихотворении Жуковского, за куст, корни которого усердно подтачивали мыши из Исполнительного комитета рабочих и (теперь уж) солдатских депутатов»⁶. Обладая лишь революционной легитимностью, новая власть не спешила с обеспечением собственной легитимизации, как будто ей была отпущена вечность. Только в конце марта Временное правительство создало Особое

⁵ Солженицын А.И. Размышления над Февральской революцией. М.: Российская газета, 2007. С. 74. URL: <http://fevral1917.rg.ru/> (дата обращения: 16.10.2017).

⁶ Завадский С.В. На пути к революции: Из архива моей памяти; На великом изломе: Отчет гражданина о пережитом в 1916–1917 годах. М.: Кучково поле, 2016. С. 165.

совещание для выработки лучшего в мире избирательного закона, которое приступило к работе в мае. Когда до него дойдет дело, у власти будут уже большевики.

Вместе с тем, стране, привыкшей на протяжении предшествовавшего тысячелетия к централизованной системе власти, была предложена крайняя форма политического либерализма. В политическом плане в 1917 году Россия стала — и это признавал даже Ленин — самой свободной в мире.

«Временное правительство предоставило целый ряд либеральных свобод, но, как часто отмечалось, свобода в России имела анархические оттенки. Россия при Временном правительстве была слишком демократичной, было дано слишком много свобод, прежде чем надежные конституционные основы порядка смогли обеспечить верховенство закона, а конституционализм, обычаи и традиции были в состоянии поддерживать саморегулирование гражданского общества. Массовой демократии не хватало посреднических и сдерживающих институтов представительной демократии. Свобода, как это часто бывает в русской истории, стала произволом и беззаконием»⁷, — замечает британский историк Ричард Саква.

Что же касается настоящих институтов представительной демократии, то они либо разрушались, либо создавались исключительно медленно. Дума была официально ликвидирована решением Временного правительства 6 октября 1917 года. Создававшиеся по его инициативе псевдопарламентские структуры — Демократическое совещание, Временный совет Российской Республики, или Предпарламент — по принципам своего представительства и полномочиям были более похожи на Земские соборы (за исключением их права избирать царей), чем на настоящие парламенты. Они представляли территории, сословия и общественные организации, а также действовавшую власть, но не население.

Масса населения связывала реализацию своих представлений о народоправстве с теми политическими формами, которые ей были понятны и апробированы на собственном опыте. С этой точки зрения им ближе были Советы, которые в идеальной форме соединяли в себе выборность всех органов, корпоративно-общинное представительство (от фабрик, заводов, крестьянских общин), коллективное принятие решений, нерасчлененность власти (сочетание исполнительных, законодательных и контрольных функций). Советская организация власти оказалась более понятной массовому (во многом все еще общинному) сознанию, нежели парламентская, которая к тому же ассоциировалась со столько лет критиковавшейся царской Думой.

⁷ Саква Р. Коммунизм в России. Интерпретирующее эссе. М.: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011. С. 43.

Действуя в твердом убеждении, что представители прежней власти по определению являются некомпетентными, антинародными и склонными к предательству элементами, Временное правительство в здравом уме и твердой памяти самостоятельно ликвидировало весь государственный аппарат России, оставив потом большевиков с их идеей слома старой государственной машины практически без работы. Причем следует подчеркнуть, что разрушение администрации и правоохранительных структур осуществлялось вовсе не под давлением Советов. Это была программа российского либерализма, претворенная в жизнь.

Временное правительство полностью уничтожило российскую правоохранительную систему. Двери всех тюрем распахнулись. Одновременно были упразднены не только полиция, но и особые гражданские суды, охранные отделения, отдельный корпус жандармов, включая и железнодорожную полицию. На места были разосланы инструкции о создании отрядов народной милиции под командованием армейских офицеров, выбранных земствами и Советами. Дееспособность такой милиции была нулевой, тем более что в нее в массовом порядке стали записываться криминальные авторитеты, выпущенные на волю в рамках всеобщей политической и уголовной амнистии.

Исчезла вертикаль исполнительной власти. 5 марта премьер Львов сделал телеграфное распоряжение о повсеместном устранении от должностей губернаторов и вице-губернаторов и временной замене их председателями губернских земских управ, о возложении на председателей уездных земских управ обязанностей уездных комиссаров Временного правительства.

В результате в регионах оказались у власти главы земств, которые в прошлом умели только распределять получаемые из центра деньги на небольшие социальные и образовательные программы. Одновременно повсеместно возникли комитеты общественных организаций, куда входили все, кому не лень, и Советы создали ситуацию «многовластия» на местах, что тождественно безвластию. Можно было восторгаться гением народа, возрождением стародавних вечевых традиций, но машина местной администрации в России перестала функционировать.

Страна пошла вразнос. Финляндия провозгласила автономию и требовала вывода русских войск со своей территории. Украинская Рада заявила о независимости, приступила к формированию собственной армии. Национальные движения бурным потоком разлились по всем окраинам государства. «Установив в стране режим демократических свобод, центральная власть создала благоприятные условия для

развития национальных движений, но ничуть не позаботилась о создании механизмов, которые позволили бы хотя бы частично удовлетворить их требования»⁸. Зато националистические силы в различных регионах нашли надежных союзников в лице большевиков, всячески поддерживавших автономистские настроения под флагом реализации права наций на самоопределение.

Временное правительство, провозгласив принцип свободы вероисповедания для всех, разорвало связь российской власти с православной церковью. Впервые со времен крещения Руси в стране установилась власть, которая не только не опиралась на Русскую Православную Церковь и не обладала сакральностью, но и видела в церкви серьезную преграду на пути общественного прогресса. Вероисповедная политика Временного правительства исходила из стремления, с одной стороны, отделить церковь от государства, а с другой, поставить ее под жесткий контроль и поощрять в ней обновленческое движение. Церковные иерархи и глубоко верующие люди не могли согласиться с политическими чистками в рядах епископата, национализацией церковных общеобразовательных школ, отменой обязательного изучения Закона Божьего и другими нововведениями. При этом успехи атеизма и ослабление столпов веры сопровождалось очевидным подрывом моральных устоев российского общества. Временное правительство лишило себя возможности опереться на авторитет церкви.

Патриаршество было введено уже после прихода к власти большевиков, и на семь десятилетий перед церковью встанет куда более сложная задача, чем при православной монархии: сохранить хоть что-то, сберечь для будущих поколений огонек веры.

* * *

Армия была доведена до состояния небоеспособности и прогрессирующего разложения и Временным правительством, открыто выражавшим недоверие старому генералитету и офицерскому корпусу, и Советом, который выпустил «Приказ № 1», отменявший дисциплину в армии, и неоднократно заявлял об общности интереса народов всех воевавших стран к прекращению захватнической политики собственных правительств.

Реформы армии были осуществлены в соответствии с рецептами либеральных военных — «младотурок» — и советских лидеров. Они включали в себя наделение

⁸ Верстюк В.Ф. Февральская революция и украинское национально-освободительное движение // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: ИРИ РАН, 1997. С. 187.

военнослужащих всей полнотой гражданских прав, фактическую отмену мер дисциплинарного воздействия, выборность командного состава, создание комитетов, введение института политических комиссаров, свободу политической деятельности и партийной пропаганды. Логика армейской реформы была продиктована недоверием получившей власть интеллигенции к вооруженным силам, пренебрежением к военным как к людям низшего сорта, полным непониманием принципов военного дела, желанием получить контроль над армией с помощью ее низовых структур.

И без большевистской пораженческой пропаганды первые недели после революции прошли под лозунгами очищения воинских частей от негодных начальников, сотни из них лишились жизни. Начались массовые братания с противником, отказы выполнять приказы, дезертирство — два миллиона человек самовольно оставили военную службу уже в весенние месяцы. Солдатская масса была сознательно противопоставлена офицерству как классово чуждой силе. Реформа армии «лишила офицерский состав всякой дисциплинарной власти, подорвала его командный авторитет, узаконила полную распушенность находившихся в тылу запасных войск и открыла неограниченные возможности для дальнейшего революционизирования солдатских масс Действующей Армии, запаздывавших, по сравнению с тыловыми частями, в своем разложении»⁹.

Меры, предложенные позднее — после провала летнего наступления — для восстановления дисциплины и боеспособности, непоследовательные сами по себе, либо не применялись на практике, как смертная казнь на фронте, либо давали крайне ограниченный или неоднозначный эффект, как создание ударных, женских, национальных армейских подразделений. Во всех военных операциях 1917 года армия терпела поражения, несмотря на имевшийся у нее подавляющий перевес в живой силе и артиллерии, из-за отсутствия дисциплины, неподчинения приказам, непонимания необходимости жертвовать своими жизнями.

Корниловский мятеж в августе 1917 года был отражением отчаяния армейской верхушки. Но результатом его подавления, в котором активную роль сыграла Красная гвардия, стала фактическая легализация вооруженных отрядов большевистской партии, которая вышла из подполья и завоевала позиции в Советах по всей стране. В офицерском корпусе после Корниловского мятежа и чисток в командном составе нарастало неприятие власти.

⁹ Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. М.: Айрис-Пресс, 2011. Т. 1. С. 64.

Армия сыграла решающую роль во всех революционных событиях. Солдаты запасных батальонов были главной силой во время уличных выступлений в столице и в феврале, и в октябре; разложившиеся и большевизированные тыловые гарнизоны были основным фактором быстрого установления Советской власти в большинстве российских городов. Деникин утверждал, что в солдатской массе все вносимые в нее лозунги и «понятия, обнаженные от хитросплетенных аргументаций, предпосылок, обоснований, претворялись в простые до удивления и логичные до ужаса выводы. В них преобладало прямолинейное отрицание:

— Долой!

Долой буржуазное правительство, долой контрреволюционное начальство, долой “кровавую бойню”, вообще все опостылевшее, надоевшее, мешающее так или иначе утробным инстинктам и стесняющее “свободную волю” — все долой!»¹⁰.

У Временного правительства не оказалось никакой экономической программы. Большую инициативу проявлял Совет, тяготевший к перераспределению национального богатства и усилению государственного регулирования в ущерб рыночным принципам. Однако регулирование на практике оказалось невозможным из-за слома государственных институтов, способных его осуществлять.

Под разговоры о лишении предпринимателей «военных сверхприбылей» бизнес был избавлен сначала от прибыли, затем от оборотных средств и от самих производственных активов. На промышленных предприятиях свои порядки стали устанавливать фабзавкомы, которые занялись изгнанием владельцев и менеджмента, повышением окладов, приватизацией доходов. Начались серьезные перебои с транспортом, разладилась система распределения.

Аграрная реформа понималась исключительно как конфискация земель у помещиков, что дезорганизовало производство стремительно таявших крупных хозяйств. Правительство установило де-факто государственную монополию на торговлю хлебом, предписав крестьянам сдавать зерно по твердым ценам и введя карточную систему на основные продукты питания. Частная торговля хлебом официально ликвидировалась. При этом содержание продовольственных комитетов, распределявших продовольствие, обходилось дороже продовольствия, подлежащего распределению. Крестьяне хлеб придерживали еще больше, на железных дорогах и водных путях шли грабежи транспортов с продуктами. К осени в стране начался голод, шли голодные бунты.

¹⁰ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. М.: Айрис-Пресс, 2015. Кн. 1. Т. 1. С. 403–404.

Отгрузки в столицу продовольствия к осени не превышали четверти от потребного, да и то, что поступало, в основном разворовывалось; на каждую основную карточку отпускалось по ½ фунта муки в день.

Не в силах собирать налоги, власть прибегла к печатному станку, спровоцировав резкий скачок инфляции. В расстройство пришла вся финансовая система. Деньги обесценились настолько, что рабочие переставали трудиться, убегая в деревню, производительность резко падала. К осени покупательная способность рубля упала до 6–7 довоенных копеек. Коррупция и расташиловка приобрели революционные масштабы.

«Выход из заколдованного круга мог быть найден только в определенной экономической политике, которой не было у Временного правительства, загипнотизированного концепцией рисовавшегося в отдалении вершителя судеб — Учредительного собрания»¹¹, — справедливо констатировал Мельгунов. Рябушинский от лица предпринимателей заявлял, что «в настоящее время Россией управляет какая-то несбыточная мечта, невежество и демагогия».

* * *

Внешнеполитический контекст революции определялся продолжавшейся Первой мировой войной. К 1917 году все ведущие воевавшие страны были уже максимально истощены — экономически, демографически, — причем Россия в наименьшей степени. Антанта, безусловно, одерживала победу, тем более, что на ее стороне в войну вступила первая экономика мира — Соединенные Штаты.

Февральская революция обрадовала всех. Союзники были счастливы избавиться от Николая II, которого вслед за российской оппозицией считали реакционером и сторонником сепаратного мира с Германией. Противники были счастливы избавиться от самого страшного врага — российского императора.

Западные союзники хотели от России, в первую очередь, активного продолжения военных действий против Германии. «Мои постоянные усилия сводятся к тому, чтобы удержать Россию в войне, поскольку ее выход перебросит основное бремя нанесения поражения Германии на нашу страну»¹², — объяснял смысл своей (и других западных посольств) дипломатической деятельности американский посол Фрэнсис. Западные правительства видели в России необъятный резервуар людской пушечной массы,

¹¹ Мельгунов С.П. Мартовские дни 1917 г. М.: Вече, 2006. С. 484.

¹² Francis D.R. Russia from the American Embassy. April, 1916 — November, 1918. New York: CreateSpace Independent Publishing Platform, 1921. P. 125.

рассматривая россиян как людей, в лучшем случае, второго сорта. От Временного правительства требовали мер по дисциплинированию армии для перехода в наступление, что предполагало полное неприятие проводимой им «демократизации» вооруженных сил.

Антанта была настроена добить Германию и ее союзников, получить территориальные приращения в Европе, на Ближнем Востоке и в Африке, значительные репарации. Поэтому идеи российской «демократии» о «мире без аннексий и контрибуций» шли категорически вразрез с устремлениями западных столиц. Они не могли допустить даже мысли о возможности одностороннего или совместного с союзниками выхода России из войны, к чему все сильнее стремилось российское общество.

От нашей страны также ожидали следования западной модели развития, усиленной пропаганды либеральных ценностей, что предполагало избавление от социалистов и Советов (их существование западные правительства и посольства старались не замечать), а также физическое уничтожение большевиков или хотя бы их руководителей. Поэтому разочарование во Временном правительстве со стороны Запада оказалось более сильным, чем со стороны Центральных держав. Это выразилось в сокращении военной помощи и поставок, в ставке на «сильную руку» Корнилова, а затем и в растущей равнодушии к судьбе Керенского и его правительства. Не случайно Керенский считал союзников неблагодарными: «В целом за все время существования Временного правительства, которое непрестанно критиковали союзники, они так и не сумели понять, что ослабленная после крушения монархии Россия полностью возместила им всякий ущерб, благодаря воздействию русской революции на внутреннюю ситуацию в Германии, Австрии, Болгарии и Турции»¹³.

Западные страны, навязывая России свои модели развития, а российская власть — стремясь слепо им следовать, внесли свой вклад в успех большевиков. И многие понимали это уже тогда. В донесении в Государственный департамент 20 октября 1917 года американский консул в Москве Саммерс объяснял, почему демократический эксперимент в России закончился провалом. Американцы, уверенные в превосходстве собственной модели, склонны «видеть события так, как нам хотелось бы их видеть, и верить, что они могут произойти и развиваться только так, как мы того пожелаем... Нам нравится республиканская идея, и мы посчитали, что это как раз то, что нужно для России. Нам не следовало бы навязывать народу того, что ему не нужно, или того, что он не хотел... Этот эксперимент почти развалил державу, фактически привел к проигрышу ими войны,

¹³ Керенский А.Ф. Русская революция. 1917. М.: Центрполиграф, 2005. С. 196.

вызвал анархию в стране, увеличил пропасть между социально-политическими партиями до почти непроходимых размеров и подготовил почву для скорой реакции»¹⁴.

Для Центральных держав, из последних сил выдерживавших тяготы войны, революция в России была даром небес: самый сильный их противник выходил из строя. Берлин, боясь вспугнуть удачу, прекратил военные действия на Восточном фронте, подталкивая дальнейшее разложение России призывами к миру, братаниям, поддержкой пацифистских сил, включая большевиков, пропагандой, возвращением в Россию радикальных революционеров, стимулированием национальных движений, прежде всего на Украине и в Закавказье. Ограниченные военные удары Германии имели скорее психологический характер, ставя целью спровоцировать внутривнутриполитические осложнения для российской власти, вызвать панику населения и усилить стремление армии к миру.

Брюс Локкарт справедливо замечал, что «революция была революцией ради земли, хлеба и мира, — но прежде всего ради мира. Был только один путь спасения России от большевизма — это заключить мир. Керенский провалился потому, что не захотел мира. И Ленин достиг власти только тем, что обещал прекратить войну»¹⁵.

Правительство пало во многом из-за своей идейной бесплодности. «В чем была его программа? — задавал вопрос Бубликов. — Она формулировалась в коротких словах: “Довести страну до Учредительного собрания, продолжая войну”. Что это? Разве этим можно предлагать народу отсрочку решения всех волнующих его вопросов до неведомого будущего, когда он всем существом своим требует от своей власти: *Действия. Немедленного действия. Немедленного устроения всех нужд, выполнения всех его многолетних мечтаний, выставления перед Россией таких задач, от которых гордостью забилось бы ее сердце, загорелись бы глаза и радостно было бы каждому всего себя за нее отдать*»¹⁶.

Троцкий выносил правительству безжалостный приговор: «Об этом правительстве можно вообще сказать, что до самых дней Октября оно в трудные минуты переживало кризисы, а в промежутках между кризисами... существовало. Непрерывно “обсуждая свое положение”, оно так и не нашло время заняться делами»¹⁷.
Правительственные кризисы следовали один за другим. «Два месяца — вот почти точно

¹⁴ Цит. по: Листиков С.В. США и революционная Россия в 1917 году. К вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М.: Наука, 2006. С. 205.

¹⁵ Локкарт Р.Б. Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки. М.: Алгоритм, 2016. С. 179–180.

¹⁶ Бубликов А.А. Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника. М.: Кучково поле, 2016. С. 114.

¹⁷ Троцкий Л.Д. История русской революции. М.: Терра, 1997. Т. 1. С. 349.

тот срок, на который вновь организовавшемуся правительству удавалось удерживать над страной власть, становившуюся все более и более номинальной и фиктивной»¹⁸, — отмечал Милуков. В начале мая он подает в отставку вместе с Гучковым, оказавшимся бессильным изменить «условия, угрожающие роковыми последствиями для свободы, безопасности, самого существования России».

После июльского кризиса и устранения князя Львова во главе государственной машины оказался энергичный человек — Александр Керенский, — который искренне пытался привести Россию к торжеству демократии, как он сам ее понимал, но не обладал ни качествами стратега или аналитика, ни железной волей или хитростью диктатора. «Керенский чем дальше, тем больше становился единственным связующим звеном между крайностями, утратившими взаимное понимание, при центре, продолжавшем терять поддержку массы, — писал Милуков. — Политическая позиция, в начале понятная и даже неизбежная, все более превращалась в одинокую позу, выдерживать которую становилось трудно для актера, а наблюдать со стороны — невозможно для зрителя»¹⁹.

Проседали одна за другой ведущие политические партии. Скорость их падения определялась сначала степенью их близости к императору, а затем — степенью сопротивления немедленным чаяниям масс. «Одновременно с падением царской власти погиб авторитет всех монархических партий, затем в один-два дня исчез авторитет партии октябристов и ее лидеров (Родзянко, Гучкова и других), в две-три недели пал авторитет кадет, вслед за ними пришла очередь плехановцев, трудовиков и всех “социал-соглашателей”: социал-демократов меньшевиков и социалистов-революционеров... На смену должны были прийти большевики, дававшие полный простор своеволию масс, *ничего не тормозившие, благословлявшие разнузданность всякого рода и дававшие ей идеальные облагораживающие словесные одежды.* Успех большевиков был неизбежен»²⁰, — подчеркивал Питирим Сорокин.

Когда большевики приходили к власти, они имели дело не с функционирующей государственной системой, разрушенной Временным правительством, а с анархией.

Революция перевернула все классы традиционного российского социума, взорвала нравственные и духовные столпы общества, вывернула на поверхность глубинные пласты народного бессознательного с его бунтарским и анархическим началом. Крупный историк Степан Борисович Веселовский еще 7 мая 1917 года записал в

¹⁸ Милуков П.Н. История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001. С. 54.

¹⁹ Там же. С. 208.

²⁰ Сорокин П.А. Социология революции. М.: Территория будущего, 2005. С. 78.

дневнике: «То, что называют теперь великой революцией (это уже вторая! сколько сил!) в сущности есть не революция, и даже не политический переворот, а распад, разложение, государственное и социальное»²¹. Страна оказалась во власти взбудораженного революцией народа, который почувствовал неограниченную свободу, понимаемую как отказ от самоограничения, и уставшего от войны. Революционные идеи всегда сильнее всего резонируют в молодежной среде. Российскую революцию делали молодые люди, многие — в романтическом порыве к справедливости, многие — в попытках найти средство самовыражения и ухода от серых будней.

После Февраля Россию поразила эпидемия слов, шествий, празднований, отражавших несбыточные фантазии о прорыве в царство справедливости во всемирном масштабе, в которых потонули реальные проблемы. Возник новый язык, в котором центральное место заняли понятия свободы, народа, революции и контрреволюции, «демократии» как социализма и «буржуазии» как всего несоциалистического и не рабоче-крестьянского. Но из этого языка выпали понятия России, Отечества, Родины, веры, долга, чести.

«Поток слов ораторов первой эпохи революции подготовлял почву для большевиков, — писал кадет Рысс. — Агитация Совета рабочих депутатов против буржуазии готовила бесславную кончину самому же Совету: безответственные речи Керенского и тысяч других не могли остаться без результата. Послушав эти речи три-четыре месяца кряду, народ требовал, чтобы слова были заменены действиями, из этих слов вытекающими. И когда действия не было, народ был вправе думать, что его обманывали Керенский и лидеры социалистических партий... И в том, что партии и члены их обещали и обещаний своих не выполнили, было предзнаменование большевиков, людей действия»²².

Стремительно исчезали понятия авторитета власти, рефлексыв повиновения, растворялись морально-правовые и религиозные нормы. Мораль войны перешла на все отношения в обществе, сделав насилие основным способом действия. Убийства, зверские расправы и самосуды стали нормой поведения. Размывалось представление о собственности, преступность приняла небывалые прежде масштабы. Страна переставала работать — рабочие добивались повышения заработной платы с помощью протестной активности, а крестьяне и за меньшее количество своей продукции получали все больше денег, на которые все равно нечего было купить. Появилась совершенно не характерная

²¹ *Веселовский С.Б.* Страницы из дневника 1917–1923 // Великая русская революция глазами интеллектуалов. М.: Научный эксперт, 2015. С. 225.

²² *Рысс П.Я.* Русский опыт. Историко-психологический очерк русской революции. М.: Кучково поле, 2017. С. 64.

для традиционной России половая распущенность, аллегория революции как «гулящей девки на шальной солдатской груди» не была преувеличением.

Революционный год был отмечен бездельем и опрочением. Их символами стала шелуха от семечек, которой заросли улицы всех российских городов в 1917 году. Из воспоминаний современников — это была революция семечек.

Революция сломала традиционные общественные рамки, сделав общество всесловным, но одновременно максимально поляризовала его на «трудящиеся массы», понимавшиеся как рабочий класс и крестьянство, и всех остальных, отнесенных к категории «буржуазии». Поляризация эта вызвала всплеск классовой ненависти, предопределила успех большевистской агитации за «экспроприацию экспроприаторов», задала основной сюжетный стержень Гражданской войны.

При этом у всех социальных слоев были основания для разочарования новой властью. Имущие классы быстро переставали быть таковыми, а неимущие были недовольны темпами перемен в их пользу. И все одинаково остро чувствовали экономический хаос, разгул анархии и тяготы войны.

Русская революция, как и любая другая, стала «кладбищем аристократий». Дворянская элита не смогла ни защитить себя, ни убедить людей в нужности своего существования. Тысячи людей были просто уничтожены кровавым колесом репрессий, как и царская семья, многие члены императорской фамилии. Настоящая трагедия ждала дом Романовых. В конце апреля 1918 года Николая, Александру Федоровну и Марию Николаевну посадили на телеги, довели до Тюмени и оттуда на поезде отправили в Екатеринбург, где разместили в здании на Вознесенском проспекте, реквизированном у инженера Ипатьева. Дети воссоединились с семьей только через месяц. В ночь с 16 на 17 июля в подвале того же здания вся царская семья — Николай II, Александра Федоровна, цесаревич Алексей, великие княжны Ольга, Татьяна, Мария и Анастасия — была расстреляна. Царица незадолго до смерти молилась не только за свою семью.

Пошли нам, Господи, терпенье
В годину буйных, мрачных дней
Сносить народное гоненье
И пытки наших палачей.
Дай крепости нам, о Боже правый,
Злодейство ближнего прощать
И Крест тяжелый и кровавый
С твоею кротостью встречать²³.

²³ Шавельский Г. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 2010. С. 582.

Николай II, его супруга и дети причислены к лику святых.

В январе 1918 года в ответ на «злодейское убийство в Германии товарищей Розы Люксембург и Карла Либкнехта» расстреляли в Петропавловской крепости трех внуков Николая I — великих князей Дмитрия Константиновича, Николая Михайловича, Георгия Михайловича, а с ними и великого князя Павла Александровича, бывшего командующего гвардией. Брат императора Михаил Александрович, не принявший престола, в ночь с 12 на 13 июня 1918 года был расстрелян в лесу в пяти верстах от Мотовилихи. Великая княгиня Елизавета Федоровна — старшая сестра императрицы Александры; великий князь Сергей Михайлович — внук Николая I; князья Иоанн, Константин и Игорь Константиновичи — молодые правнуки Николая I; а также князь Владимир Павлович Палей в ночь на 18 июля 1918 года были расстреляны и сброшены в шахты недалеко от Алапаевска. Елизавета Федоровна причислена к лику святых.

Все представители прежней элиты, которым посчастливилось выжить, лишились собственности и Родины. Драшусов прощался с родной усадьбой, покинутыми краями: «Тяжелым грузом легли на вас старые, тяжелые грехи, и вместе с вами погибаем и мы, выброшенные из жизни, ненужные и ненавидимые, унося с собой глубокую тоску по сладкому запаху своей земли и зелени своих полей»²⁴.

Революция была в огромной степени творением интеллигенции. Она готовила ее интеллектуально, она была в первых рядах борцов с царским самодержавием, она поставляла кадры самых пылких революционеров и руководителей всех без исключения политических партий, она составляла Временное правительство. «Явление русской революции объясняется совпадением того извращенного воспитания русской интеллигенции, которое она получила в течение почти всего XIX века, с воздействием великой мировой войны на народные массы: война поставила народ в условия, сделавшие его особенно восприимчивым к деморализующей проповеди интеллигентских идей»²⁵, — полагал Струве.

Бунин серчал на либерального интеллигента:

«— Не народ начал революцию, а вы. Народу было совершенно наплевать на все, чего мы хотели, чем мы были недовольны. Я не о революции с вами говорю, — пусть она неизбежна, прекрасна, все, что угодно. Но не врите на народ — ему ваши ответственные министерства, замены Щегловитых Малянтовичами и отмены всяческих цензур были

²⁴ «Все кончено и никакие компромиссы уже невозможны...»: из воспоминаний Е.Е. Драшусова // Россия 1917 года в эго-документах. Воспоминания. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 270.

²⁵ Струве П.Б. Указ. соч. С. 237.

нужны, как летошний снег, и он это доказал твердо и жестоко, сбросивши к черту и Временное правительство, и Учредительное собрание, и “все, за что гибли поколения лучших русских людей”, как вы выражаетесь, и ваше “до победного конца”»²⁶.

Ариадна Тыркова напишет: «За то, что в феврале 1917 года в России произошла революция, несет ответственность не русский народ, не низы, не так называемые массы, а верхи, интеллигенция, грамотные люди всех градаций: профессора, адвокаты, писатели, артисты, юристы, даже генералы. Все они жаждали перемены, твердили, что дальше так жить нельзя. Но они не поняли необходимости, не сумели сразу образовать сильное правительство, способное вести войну и управлять страной, отдавать приказы, заставлять себя слушаться. Они обязаны были не допустить перерыва власти. С этой обязанностью русская интеллигенция не справилась. И не в наказание ли за это история превратила ее в пыль»²⁷.

А любитель ярких образов Троцкий писал: «Бесшумно передвигалась социальная почва, точно вращающаяся сцена, выдвигая народные массы на передний план и унося вчерашних господ в преисподнюю»²⁸.

Рабочие — особенно столичные — действительно сыграли большую роль в событиях Октября. Давид Мандель подчеркивает, что «в тот период большевистская партия объединяла в своих рядах наиболее сознательную и решительную часть рабочего класса. Ту часть, которая могла представить себя стоящей во главе государства и даже без активной поддержки интеллигенции. Если Октябрьской революции не случилось бы без руководства партии, то без давления “снизу”, со стороны рядовых рабочих-большевиков, на колеблющиеся “верхи” партии не было бы руководящей роли партии»²⁹.

Крестьянство повсеместно восприняло революцию, прежде всего, как начало реализации мечты о «черном переделе», ожидая только сигнала сверху на захват чужой земли. Не дождавшись, мужик сам начал решать аграрный вопрос. Причем наиболее активную роль в революции сыграли крестьяне в солдатских шинелях. Дан писал: «В те дни все помыслы, надежды, страсти миллионов крестьян на фронте были целиком поглощены мыслью о немедленном возвращении домой, а десятков миллионов крестьян в тылу — стремлением, тоже немедленно, приступить к “черному переделу”... Что действительно

²⁶ Бунин И.А. Окаянные дни: Повести. Рассказы. Воспоминания. М.: Воскресенье, 2006. С. 74.

²⁷ Цит. по: Новоселова Е. Дама против Ленина // Российская газета. 20.04.2017. Федеральный выпуск № 7252 (86). URL: <https://rg.ru/2017/04/20/k-stoletiiu-revoliucii-gosarhiv-opublikuet-vozpominaniia-ariadny-tyrkovoj.html> (дата обращения: 16.10.2017).

²⁸ Троцкий Л.Д. История русской революции. Октябрьская революция. М.: Вече, 2017. С. 220.

²⁹ Мандель Д. Петроградские рабочие в революциях 1917 года (февраль 1917 г. — июнь 1918 г.). М.: Новый хронограф, 2015. С. 518.

кровно привязывало крестьян к новой, “советской” власти, — это твердое сознание, что это власть “своя”, которая ни немедленной ликвидации войны, ни немедленному осуществлению “черного передела” никаких препятствий ставить не будет»³⁰.

Усталость от безделья власти, от голода и преступности к октябрю была всеобщей. «Народ возненавидел все»³¹, — записал в дневник Бунин.

* * *

Октябрьскую революцию невозможно объяснить без Ленина и той самой организации революционеров, с помощью которой он еще в 1902 году собирался перевернуть Россию.

Фактор Ленина был огромным. Зиновьев считал: «Октябрьская революция и роль в ней нашей партии есть на десять десятых дело рук товарища Ленина... не только своего главного политического вождя, практика, организатора, пламенного пропагандиста, певца и поэта, но и своего главного теоретика, своего Карла Маркса»³². Как говорил Молотов, «никто не верил, какая социалистическая революция может быть в России, а вот Ильич поверил и повел, и дисциплина оказалась, и преданность оказалась, и сила оказалась, и мозгов хватило. А другие не смогли. И всех покорило, всех расшиб... Выдержка колоссальная, а какая внутренняя сила!»³³. И порой Молотов наизусть декламировал отрывки поэмы Пастернака «Высокая болезнь», которая, как ему казалось, наиболее ярко отражала масштаб фигуры вождя:

«Чем мне закончить свой отрывок?
Я помню говорок его
Пронзил мне искрами заговор,
Как шорох молнии шаровой.
Все встали с мест, глазами втуне
Обшаривая крайний стол,
Как вдруг он вырос на трибуне
И вырос раньше, чем вошел.
Он проскользнул неуследимо
Сквозь строй препятствий и подмог,
Как этот, в комнату без дыма
Грозы влетающей комок...
Он был — как выпад на рапире,

³⁰ Дан Ф.И., Церетели И.Г. Два пути. Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Ч. 1. С. 501.

³¹ Бунин И.А. Указ. соч. С. 47.

³² Зиновьев Г.Е. Ленин. Речь в Петроградском Совете в связи с выздоровлением Ленина после ранения 30 августа 1918 г. Харьков, 1920. С. 38.

³³ Чуев Ф. Молотов. Полудержавный властелин. М.: Олма-Пресс, 1999. С. 658.

Гонясь за высказанным вслед,
Он гнул свое, пиджак топыря
И пяля передки штиблет...
Столетий завистью завистлив,
Ревнив их ревностью одной,
Он управлял течением мыслей
И только потому — страной.
Тогда его увидев въяве,
Я думал, думал без конца
Об авторстве его и праве
Дерзать от первого лица.
Из ряда многих поколений
Выходит кто-нибудь вперед.
Предвестьем льгот приходит гений
И гнетом мстит за свой уход»³⁴.

Полагаю, без Ленина Октябрьской революции действительно могло бы и не случиться. Это он всех торопил, гнал, вел на бой, понимая, что победное для России завершение мировой войны означало бы конец его надеждам на захват власти. Он обладал мощнейшей волей к власти, которая превосходила волю всех его оппонентов. Точно подметил Георгий Вернадский: «В то время, как члены семьи Романовых один за другим отказывались от власти, в то время, как кадеты и эсеры один за другим уходили в отставку с министерских постов во Временном правительстве, Ленин был готов отстаивать власть любой ценой»³⁵.

Как писал его биограф, в 1917 году «он был быстрее, прозорливее, сообразительнее, энергичнее, хитрее, дальновиднее тех, кого история поднимала вместе с ним по эскалатору... Он принимает нестандартные, потенциально роковые решения, способные уничтожить все достигнутые за двадцать лет результаты. Он отходит от всех догм, уставов и параграфов — и отказывается от теорий и положений, на защиту которых были положены годы, — ради новейших, только что изобретенных, полученных опытным путем. Он убегает от преследователей на паровозах и автомобилях, шныряет по буеракам, закоулкам и лесным опушкам, прописывается на болоте и в случае опасности готов спуститься с третьего этажа по водосточной трубе. Амплитуда осцилляции, передающей одобрение его деятельности, крайне далека от нормальной: то его встречают официальные делегации с оркестром в вип-зале, то государство гоняется за ним с собаками-ищейками. То он выступает перед министрами, то обматывает себе голову бинтами — и выдает себя за глухонемого, за железнодорожного журналиста, за косца, за пациента стоматологической

³⁴ Пастернак Б. Стихотворения и поэмы / Сост. Л.А. Озеров. Л.: Советский писатель, 1976. С. 418–419.

³⁵ Вернадский Г. Ленин — красный диктатор. М.: Аграф, 1998. С. 297.

клиники, за священника. Слухи приписывали ему — и не совсем уж безосновательно — протейческие способности и возможности совершать молниеносные побег с помощью подводных лодок и аэропланов; сам его череп, хорошо приспособленный для перемены внешности, представлялся правительству угрозой государственной безопасности — так что оно специальным указом запретило продавать парики»³⁶.

Пастернаку принадлежит фраза: «Революции производят люди действенные, односторонние фанатики, гении самоограничения»³⁷. Под статью вождю была и его партия, которая «напоминала скорее тайный орден, нежели партию в общепринятом смысле этого слова»³⁸. Их было немного. Но никто другой не располагал большей организованностью и готовностью к самопожертвованию, что отмечали многие современники, вовсе им не симпатизировавшие. «Их нервы крепки, — писал в эмиграции “сменовеховец” Николай Устрялов. — Нет прекраснотушия; вместо него здоровая суровость примитива. Нет нашей старой расхлябанности; ее съела дисциплина, проникшая в плоть и кровь. Нет гамлетизма; есть вера в свой путь и упрямая решимость идти по нему»³⁹. Выдающийся британский мыслитель Бертран Рассел находил у большевистской верхушки черты сходства с воспитанниками британских привилегированных школ: «У тех и других налицо хорошие и плохие черты молодой и жизнеспособной аристократии. Они мужественны, энергичны, способны властвовать... склонны к диктаторству и им недостает обычной снисходительности к плебсу»⁴⁰.

Большевики переиграли всех остальных идеологически. Ленин моментально по возвращении в Россию понял, что людям в массе совершенно безразлична политика, их гораздо больше волнует собственное материальное положение, и они безумно устали от войны. «С свойственным ему поразительным революционным чутьем, Ленин сейчас же учел это положение, когда совершенно снял лозунг “демократической республики”, сделал главным лозунгом агитации среди рабочих — “рабочий контроль”, среди крестьян — конфискацию всей помещичьей земли, среди солдат — немедленное заключение мира, а лозунгом своей кампании против Временного правительства — “Долой министров-капиталистов!”, и когда выдвинул требование “Вся власть Советам!”, которое и рабочие, и крестьяне, и солдаты понимали одинаково не как гарантию

³⁶ Данилкин Л. Ленин. Пантократор солнечных пылинок. М.: Молодая Гвардия, 2017. С. 553, 488–489.

³⁷ Пастернак Б. Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1990. Т. 3. С. 448.

³⁸ Пайнс Р. Россия при большевиках. М.: РОССПЭН, 1997. С. 8.

³⁹ Цит. по: Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Русские о большевизме: опыт аналитической антологии. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1999. С. 247.

⁴⁰ Рассел Б. Практика и теория большевизма. М.: Наука, 1991. С. 17–18.

осуществления их политических прав, а как гарантию “неурезанного” осуществления их экономических и социальных надежд и чаяний»⁴¹, — подчеркивал Дан.

Социальный психолог Гюстав Лебон, которого с одинаковым удовольствием читали и Ленин, и Гитлер, замечал, что «успех вероучения совершенно не зависит от доли истины или заблуждения, заключающихся в нем, но исключительно от возбуждаемых им чувств и доверия, которые оно внушает»⁴². Большевизм не имел бы успеха, если бы не был созвучен общественным настроениям, ожиданиям, корневым стереотипам массового российского сознания, в котором столь большое место занимали государственно-патерналистский комплекс в сочетании с общинно-демократическими представлениями (в которые весьма естественно укладывались идеи Советов).

Об органичности большевизма на российской почве сказал Федор Степун: «Было ясно, что большевизм — это географическая бескрайность и психологическая безмерность России. Это русские “мозги набекрень” и “исповедь горячего сердца вверх пятами”, это исконное русское “ничего не хочу и ничего не желаю”, это дикое “улюлюканье” наших борзятников, но и культурнический нигилизм Толстого во имя последней правды и смрадное богоискание героев Достоевского. Было ясно, что большевизм — одна из глубочайших стихий русской души: не только ее болезнь и ее преступление»⁴³.

Каждая революция — следствие несбывшихся ожиданий. И наибольшие шансы на победу получают те, кто дают новую надежду. Желание изменить жизнь к лучшему, приблизить «настоящий день» стало всеобщим. Людям были безразличны либерализм, демократия или социализм. Но большевики породили надежду на мир и землю, что дало им ту лестницу, по которой они вскарабкались к власти, — армию. Генерал Алексей Брусилов авторитетно свидетельствовал о причинах поворота к большевикам солдат: «Их совершенно не интересовал Интернационал, коммунизм и т. п. вопросы. Они только усвоили себе следующие начала своей будущей свободной жизни: немедленно мир во что бы то ни стало, отобрание от всего имущественного класса, к какому бы он сословию ни принадлежал, всего имущества, уничтожение помещика и вообще барина»⁴⁴. Бубликов подчеркивал, что большевики, в отличие от Временного правительства, «нашли нужные слова: “Мы несем вам хлеб, мир и землю”. И все это сейчас. “Мир хижинам, война —

⁴¹ Дан Ф.И., Церетели И.Г. Указ. соч. Ч. 1. С. 497.

⁴² Лебон Г. Психология социализма. СПб.: Маркет, 1995. С. 119.

⁴³ Цит. по: Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В. Указ. соч. С. 152.

⁴⁴ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: РОССПЭН, 2001. С. 271.

дворцам”. “Долой источник всех зол — капитализм”. “Мы научим весь мир, как устраивать счастье народных масс!” Есть от чего духу заняться! Есть чем воодушевиться массам!»⁴⁵.

Исключительно плодотворной оказалась идея Советов как новой формы государственной власти. «В примитивном представлении русских народных масс этот лозунг был синонимом народовластия, — признавал генерал Головин. — Крестьянин видел в нем закрепление за ним обладания землей через посредство своего сельского земельного комитета; солдат видел в осуществлении этого лозунга окончательное освобождение его от дисциплины и возможность громко требовать мира через посредство своего Совета; рабочий усматривал в нем способ захвата в свои руки фабрик... Вместе с этим, выкидывая лозунг “Вся власть Советам”, большевики чрезвычайно облегчали себе подготовку к восстанию. Всякий риск, сопряженный с этой подготовкой, устранялся тем “невесомым” фактором, который Троцкий называет “советской легальностью»⁴⁶.

Действительно, захват большевиками власти не выглядел как чистый произвол. Вопреки многократным настояниям Ленина, большевики синхронизировали его со Съездом Советов, тем самым придав своей власти видимость легитимности. Ведь во все время двоевластия народ вполне привык к тому, что Совет выступал против правительства или исправлял его решения. Как подчеркивал Троцкий, «съезд Советов, по существу съезд переворота, является в то же время бесспорным для народных масс носителем если не всего суверенитета, то, по крайней мере, доброй его половины... Было бы грубой ошибкой считать все это юридическими тонкостями, безразличными для народа: наоборот, именно в таком виде основные факты революции отражались в сознании масс»⁴⁷. Легитимность, прикрытая традициями и приемами двоевластия, была лучше, чем никакая.

Большевики оказались сильнее остальных организационно. «Нельзя не считаться с тем, что наша партия добилась октябрьской победы главным образом благодаря тому, что гибкость ее тактики опиралась на предшествующую основательную подготовку к немирным путям революции: боевые дружины вооруженных рабочих; нелегальные партийные организации, которым принадлежала руководящая роль; нелегальная большевистская печать, включая издание руководящих органов печати за рубежом;

⁴⁵ Бубликов А.А. Указ. соч. С. 118.

⁴⁶ Головин Н.Н. Указ. соч. Т. 1. С. 273, 274.

⁴⁷ Троцкий Л.Д. К истории русской революции. М.: Издательство политической литературы, 1990. С. 372.

нелегальные большевистские организации в армии и в военно-морском флоте и др.»⁴⁸, — утверждал Молотов.

«Власть падала из слабых рук Временного правительства, во всей стране не оказалось, кроме большевиков, ни одной действенной организации, которая могла бы предъявить свои права во всеоружии реальной силы»⁴⁹. К осени у большевиков окажется большинство в Советах, опираясь на которые, Ленин объявит себя верховной властью после стремительной операции собственных вооруженных отрядов.

Большевизм воплотил и широко разлившуюся после целого года хаоса потребность в порядке, которая существовала не только в низах, но и — может быть еще сильнее — в состоятельных и консервативных слоях, презиравших эсеро-меньшевистскую интеллигенцию ничуть не меньше Ленина. По словам Бердяева, «России грозила полная анархия, анархический распад, он был остановлен коммунистической диктатурой, которая нашла лозунги, которым народ согласился подчиниться»⁵⁰. В большевиках почувствовали людей, способных создать сильную власть.

Бывший начальник Петроградского охранного отделения Глобачев профессионально заключал: «Для меня лично в то время, по существу, решительно все равно было, правит ли Россией Керенский или Ленин. Но если рассматривать вопрос с точки зрения обывательской, то я должен сказать, что на первых порах новый режим принес обывателю значительное облегчение, которое заключалось в том, что новая власть своими решительными действиями против грабителей поставила в более сносные условия жизнь и имущество обывателя. Но, должен оговориться, это было только на первых порах, пока еще не разгорелась сильная борьба нового правительства с саботажем буржуазии, вызванным партией социалистов-революционеров и кадетов»⁵¹.

У наиболее влиятельной в октябре 1917 года — эсеро-меньшевистской — оппозиции было немного оснований возражать большевикам по существу. «Добросовестность велит признать, что под каждым своим декретом большевики могут привести выдержки из писаний не только Маркса и Ленина, но и всех русских социалистов и сочувственников как марксистского, так и народнического блока, — констатировал Изгоев. — Чхеидзе, Чернов, Церетели, Скобелев, Некрасов, Ефремов, Керенский говорили и прогнозировали то, что принципиально должно было привести к

⁴⁸ Молотов В.М. Об уроках периода подготовки (рукопись) // ЛАМ. Пап. 20. Док. 1. С. 20–21.

⁴⁹ Деникин А.И. Указ. соч. Кн. 2. Т. 2. С. 130.

⁵⁰ Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. Москва: Наука, 1990. С. 109.

⁵¹ Глобачев К.И. Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 169.

господству большевизма, решившегося, наконец, воплотить в делах их слова»⁵². Принципиальные возражения были в вопросах о сроках и темпах, что воспринималось и большевиками, и массами как трусливый оппортунизм.

Демократия в 1917 году противопоставлялась не диктатуре, а царизму и привилегированным классам, и «демократический лагерь» охватывал все трудящиеся массы и все левые партии, включая большевиков. В терминах 1917 года, в октябре власть брала демократическая сила.

Идеологические братья большевиков, эсеры и меньшевики долго не расставались с убеждением, что рано или поздно Ленин поймет невозможность управлять Россией в одиночку и призовет их к кормилу. Вследствие этого они ограничивали свою оппозиционность мирной агитацией, а порой — даже защищали большевиков от «происков буржуазной реакции».

Оппозиция большевикам оказалась относительно слаба. На первых порах с правительством Ленина почти некому было бороться. Да и никто не спешил бороться, поскольку существовала стойкая уверенность, что большевики — калифы на час, и продержатся максимум до Учредительного собрания. Продержались 74 года.

Но вместе с тем очевидно, что метод насильственной революции во имя диктатуры меньшинства привел к серьезной родовой травме нового режима, усилив предпосылки создания привычек к деспотизму. Дан писал: «В таких условиях, при полной дезорганизации и значительном разрушении транспорта, вызванных беспорядочным бегством миллионов солдат с фронта и, в свою очередь, грозивших голодом и остановкой промышленности в городах, “советская власть” — и помимо “диктаторской” идеологии большевизма — не могла не стать при самом возникновении своей властью диктаторской. Встреченная тотчас же саботажем бюрократии и профессиональной интеллигенции, формированием “белых” армий, первыми вспышками надвигающейся гражданской войны, она в своей отчаянной и на девять десятых безнадежной борьбе с продовольственными, экономическими и административными затруднениями не могла не превращаться во власть террористическую»⁵³. Миллионы людей, находившихся по разные стороны баррикад, у каждого из которых была своя правда, не пережили революционную эпоху, многие герои 1917 года сгинут в жерновах репрессий.

⁵² Изгоев А.С. Социализм, культура и большевизм // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Издательство Московского университета, 1990. С. 152.

⁵³ Дан Ф.И., Церетели И.Г. Указ. соч. С. 501.

И только ценой колоссальных жертв большевикам удалось вновь собрать страну, восстановить разрушенное, запустить промышленный рост, вернуть уже Советскому Союзу статус великой державы, победить нацизм, проложить человечеству дорогу в космос. Чтобы затем опять разбиться о революцию 1991 года.

«Революция в своей фатальной диалектике пожирает своих отцов и детей, — справедливо замечал Бердяев. — Стихийная революция не знает благодарности, она никогда не воздает по заслугам. Эту последнюю миссию берет на себя история и историки»⁵⁴.

Дай Бог, чтобы российские революции остались исключительно предметом исторических исследований.

Потому что еще одной революции наша страна может не пережить.

Список литературы:

1. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. Москва: Наука, 1990.
2. *Бердяев Н.А.* Падение священного русского государства: Публицистика 1914–1922. М.: Астрель, 2007.
3. *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М.: РОССПЭН, 2001.
4. *Бубликов А.А.* Русская революция. Впечатления и мысли очевидца и участника. М.: Кучково поле, 2016.
5. *Булгаков С.Н.* Автобиографические заметки // Великая русская революция глазами интеллектуалов. М.: Научный эксперт, 2015. С. 271–282.
6. *Бунин И.А.* Окаянные дни: Повести. Рассказы. Воспоминания. М.: Воскресенье, 2006.
7. *Вернадский Г.* Ленин — красный диктатор. М.: Аграф, 1998.
8. *Верстюк В.Ф.* Февральская революция и украинское национально-освободительное движение // 1917 год в судьбах России и мира. Февральская революция: от новых источников к новому осмыслению. М.: ИРИ РАН, 1997.
9. *Веселовский С.Б.* Страницы из дневника 1917–1923 // Великая русская революция глазами интеллектуалов. М.: Научный эксперт, 2015. С. 221–255.
10. «Все кончено и никакие компромиссы уже невозможны...»: из воспоминаний Е.Е. Драшусова // Россия 1917 года в эго-документах. Воспоминания. М.: Политическая энциклопедия, 2016. С. 254–273.

⁵⁴ *Бердяев Н.А.* Падение священного русского государства: Публицистика 1914–1922. М.: Астрель, 2007. С. 551.

11. *Глобачев К.И.* Правда о русской революции: Воспоминания бывшего начальника Петроградского охранного отделения. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.
12. *Головин Н.Н.* Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. М.: Айрис-Пресс, 2011. Т. 1.
13. *Данилкин Л.* Ленин. Пантократор солнечных пылинок. М.: Молодая Гвардия, 2017.
14. *Дан Ф.И., Церетели И.Г.* Два пути. Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Ч. 1.
15. *Деникин А.И.* Очерки Русской Смуты. М.: Айрис-Пресс, 2015.
16. *Завадский С.В.* На пути к революции: Из архива моей памяти; На великом изломе: Отчет гражданина о пережитом в 1916–1917 годах. М.: Кучково поле, 2016.
17. *Зиновьев Г.Е.* Ленин. Речь в Петроградском Совете в связи с выздоровлением Ленина после ранения 30 августа 1918 г. Харьков, 1920.
18. *Изгоев А.С.* Социализм, культура и большевизм // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Издательство Московского университета, 1990.
19. *Кара-Мурза А.А., Поляков Л.В.* Русские о большевизме: опыт аналитической антологии. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного института, 1999.
20. *Керенский А.Ф.* Потерянная Россия. М.: Вагриус, 2007.
21. *Керенский А.Ф.* Русская революция. 1917. М.: Центрполиграф, 2005.
22. *Лебон Г.* Психология социализма. СПб.: Маркет, 1995.
23. *Листиков С.В.* США и революционная Россия в 1917 году. К вопросу об альтернативах американской политики от Февраля к Октябрю. М.: Наука, 2006.
24. *Локкарт Р.Б.* Агония Российской империи. Воспоминания офицера британской разведки. М.: Алгоритм, 2016.
25. *Мандель Д.* Петроградские рабочие в революциях 1917 года (февраль 1917 г. — июнь 1918 г.). М.: Новый хронограф, 2015.
26. *Мельгунов С.П.* Мартовские дни 1917 г. М.: Вече, 2006.
27. *Милюков П.Н.* История второй русской революции. М.: РОССПЭН, 2001.
28. *Молотов В.М.* Об уроках периода подготовки (рукопись) // ЛАМ. Пап. 20. Док. 1. С. 20–21.
29. *Новоселова Е.* Дама против Ленина // Российская газета. 20.04.2017. Федеральный выпуск № 7252 (86). URL: <https://rg.ru/2017/04/20/k-stoletiiu-revoliucii-gosarhiv-opublikuet-vospominaniia-ariadny-tyrkovoj.html> (дата обращения: 16.10.2017).
30. *Пайнс Р.* Россия при большевиках. М.: РОССПЭН, 1997.

31. *Пастернак Б.* Собрание сочинений. М.: Художественная литература, 1990. Т. 3.
32. *Пастернак Б.* Стихотворения и поэмы / Сост. Л.А. Озеров. Л.: Советский писатель, 1976.
33. *Рассел Б.* Практика и теория большевизма. М.: Наука, 1991.
34. *Рысс П.Я.* Русский опыт. Историко-психологический очерк русской революции. М.: Кучково поле, 2017.
35. *Саква Р.* Коммунизм в России. Интерпретирующее эссе. М.: Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина», 2011.
36. *Солженицын А.И.* Размышления над Февральской революцией. М.: Российская газета, 2007. URL: <http://fevral1917.rg.ru/> (дата обращения: 16.10.2017).
37. *Сорокин П.А.* Социология революции. М.: Территория будущего, 2005.
38. *Струве П.Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины. Сборник статей о русской революции. М.: Издательство Московского университета, 1990.
39. *Троцкий Л.Д.* История русской революции. М.: Терра, 1997. Т. 1.
40. *Троцкий Л.Д.* История русской революции. Октябрьская революция. М.: Вече, 2017.
41. *Троцкий Л.Д.* К истории русской революции. М.: Издательство политической литературы, 1990.
42. *Франк С.Л.* Избранные труды. М.: РОССПЭН, 2010.
43. *Чуев Ф.* Молотов. Полудержавный властелин. М.: Олма-Пресс, 1999.
44. *Шавельский Г.* Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. М.: Крутицкое Патриаршее подворье, 2010.
45. *Francis D.R.* Russia from the American Embassy. April, 1916 — November, 1918. New York: CreateSpace Independent Publishing Platform, 1921.

Nikonov V.A.

October 1917: Why the Bolsheviks Managed to Seize the Power

Vyacheslav A. Nikonov — Ph.D., Dean, School of Public Administration, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation.

E-mail: Nikonov@spa.msu.ru

Annotation

The article examines the key factors which determined the Bolsheviks' rise to power in 1917 Russia. The author analyzes the causes and consequences of the events of the Russian Revolution, noting their destructive influence on all the areas of the Russian society.

Keywords

Russian Revolution, 1917, October Revolution, February Revolution, bolsheviks, Lenin, Provisional Government, Nicholas II, First World War, Russian Civil War.